

Ване приснилось, что его отца съели львы.

Он пытался прицелиться и сбить хищников, но винтовка была настолько тяжела, что ствол упорно тянуло вниз и мушка металась возле цели. В попытках спугнуть львов Ваня кричал и палил без наводки. Но ни выстрелов, ни криков они не боялись. Львиные морды побагровели, а их гривы слиплись от крови. Звери рвали тело бесстрастно и неторопливо, и казалось, что эта трапеза не кончится никогда.

Ваня проснулся в поту. Вытер слёзы. Ему хотелось дышать, но воздуха не хватало. Всё, что его окружало, было душно и неизвестно. Он лежал в слепой темноте, не меняя тесной позы и пытаясь узнать место своего внезапного пробуждения. Кто-то громко хрустнул глоткой и захрапел. Ваня немедленно вспомнил, что он в палатке и рядом спит отец. И разом вернулись вчерашние мысли о побеге. Ваня поднялся, пошарил руками. Брезент натянулся и затрещал. Как можно было так глупо заснуть? Очень глупо! Он нащупал выход, высунул из палатки сопревшее лицо и увидел, что над озером ещё ночь. Ветер лизнул мокрые щёки, принёс комара и горький запах углей. Ваня переждал, пока грудь не привыкнет к сырой свежести, и выбрался наружу.

Костёр дотлевал и весь оброс белым пеплом. Рядом с ним, воткнутая в песок, блестела пустая бутылка, на камне у очага остывала банка тушёнки. Ваня поднял вспоротые консервы и убрал их в карман. Луна вытекла из облака, и он увидел мерцающее движение воды. Ваня любил озеро и восхищался его громадностью, но никогда в своей маленькой жизни он не стоял ночью на его берегах, готовясь к переправе. Он так смело планировал побег! Так лихо добирался в мыслях до противоположной стороны, что теперь ненавидел свой отстающий шаг. Руки и ноги были будто чужие, двигались непослушно лениво, как в том вязком сне. Только сердце быстро стучало ему: беги-беги-о-беги-беги!

Ваня собрал с тента росу и протёр влажной ладонью лоб. Он поглядел на сапоги отца, сохнувшие в тамбуре палатки. На подошву комками налипла глина. Ваня придумал спрятать сапоги в траве. Пусть отец совсем глухой от водки и с охотой пролежит до обеда, но что если он вдруг проснётся и кинется за ним? Внутри опять заёрзало, погнало вперёд. И Ваня оставил лагерь, побрёл к воде. До рассвета оставалось не дольше часа.

Лодка, на которой отец привез его на остров, стояла спрятанная в высоком рогозе. Ваня помнил это место. Раздвигая хрустящие стебли и плавно освобождая ногу из чавкающего следа, он вышел на берег. Лодка никак не появлялась, и он растерянно глядел по сторонам. Заходил в озеро глубже и глубже. И когда он оказался по пояс в воде и готов был подняться обратно на берег, увидел в прибрежной щетине белёсый отблеск. Ваня уже точно видел, что это лодка, и радовался находке, но ступал всё так же ровно, боясь споткнуться на осклизлом камне и поднять крик. Белая прекрасная моторка с голубой полосой по краю. Ваня обошел её, хватаясь за борт и чуть раскачивая, будто хотел убедиться, что его находка — не досадная фантазия. Он навалился грудью на плоский холодный нос катера, отпихнул ногами берег и поплыл. Перебравшись через ветровое стекло, взялся за весло и, толкая им камни, вывел лодку на глубину.

Ваня старался грести беззвучно. Невысоко промахивая веслами и возвращая их с водоворотом, он следил за движением воды: как она тянется нитью за веретеном весла, как рвётся на ветру. Уключина натужно скрипела, и тогда Ваня ослаблял тягу и с тревогой смотрел на уплывающий берег.

Прежде чем опустить винт и завести мотор, он решил заплыть как можно дальше, на расстояние выстрела. Когда мотор взвоеет и разбудит отца, и тот, схватив ружьё, побежит на рёв, лодка уже скроется из виду. Таков был план. Никогда раньше Ваня не запускал лодочный мотор.

Развеялся илистый запах суши, он чувствовал теперь голую свежесть северной воды. Ваня сделал несколько смелых гребков и обернулся. Волна со шлепком ударила о борт. Противоположный берег, едва различимый в дымке, был неподвижно далёк. С безлунною водой озеро казалось Ване огромной чёрной впадиной. В ней тонули отражения и тени. Он выровнял лодку, делая небольшой запас по течению, и грёб уже часто и мощно, падая на спину и теряя курс. Он видел только свои зелёные кеды и дно лодки с подвижной лужицей и измокшими в ней червями. Ваня вошёл в ритм, слушал, как киль пилит волну, как трутся вёсла и будто бы кто-то ещё горячо дышит рядом.

Отец вёз его на остров в той же спешке. Он сразу вышел на глиссер и летел по мелкой и злой волне. Ваня смотрел на морщины озера и думал, что вода — его последний свидетель. Мама объясняла: отца нужно бояться. И лучше бы его вовсе не встречать. Она предупреждала, что отец хочет убить его, потому что должен

платить Ване деньги, а деньги отцу нужны, чтобы пить. Если Ваня умрёт — платить не придётся.

Отец, не выпуская руля, уставился перед собой. Он не моргал, не замечал ни тряски, ни ветра, и глаза его были похожи на мокрую гальку. Ваня боялся, что отец, не сбавляя ходу, обернётся к нему и скажет: «Ныряй, предатель», а после вышибет сапогом за борт. Он обязательно скажет «предатель». Так говорят взрослые с каменными глазами. Но отец тащил катер по чёрствой воде, будто забыв, что на борту он не один.

Ваня поднял вёсла, оторвал от них жаркие ладони и согрел лицо. Сквозь озеро просачивался рассвет. Посветлела вода, она сделалась плоской и понятной, и до того подвешенный над пустотой катер, встал на прочный путь. И другой берег подошёл ближе. Тонкий туманный берег.

Мама — она, наверное, бродит в этом тёплом тумане и ищет его. У неё тоже мокрые ноги и юбка тяжёлая от росы. Мама знает отцовскую лодку. Она видела, как та увезла её сына. Она всё видит! И мама ходит по берегу и ждёт звук мотора.

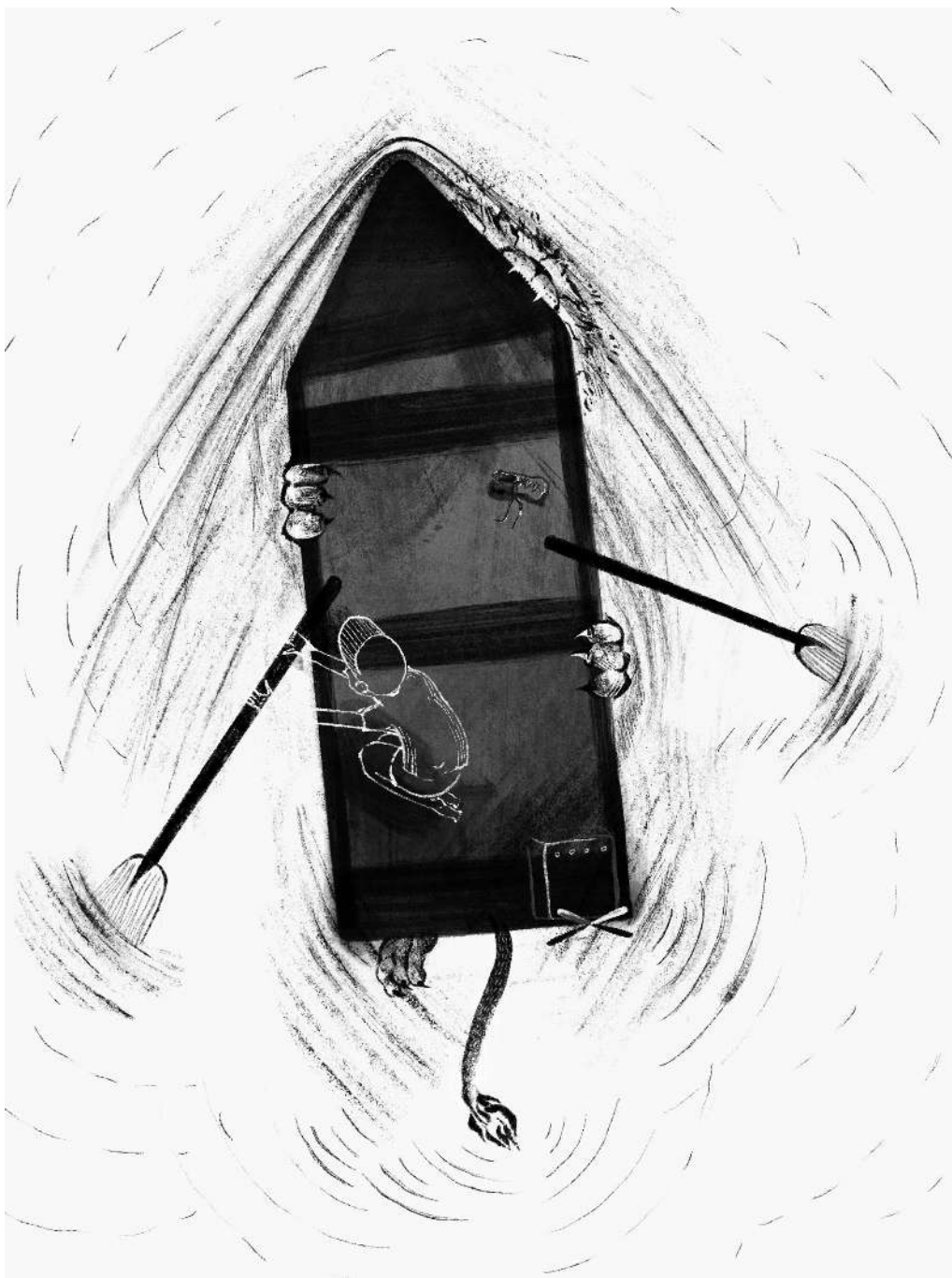
Ваня уложил вёсла и перелез на корму, к транцу. Опустил винт, потом вернулся за штурвал. Руки его дрожали, и в висках нетерпеливо гудело. Он вставил в машинку ключ и провернул его. Мотор молчал. Он толкнул рычаг, держась за штурвал и надеясь, что двигатель проснётся, взревёт и дёрнет.

В тот новый миг тишины Ваня понял, что мотор не заведётся. Он заметил, как берег двинулся, и лодку чуть понесло по течению.

В носовом багажнике он нашёл якорь и опустил его за борт. Верёвка скоро ушла под киль. Опять Ваня вернулся к мотору, проверил, не оборваны ли тросы. Что он понимает в этих тросах? Ещё раз повернул ключ — ни звука. Может, он пропустил какую-нибудь тайную кнопку, или в баке совсем нет бензина? Сколько идти ему на веслах: три часа или дольше? Надо браться и грести, подгонял себя Ваня, но что-то не давало ему опустить вёсла.

Он присел и зажмурился.

Ему мерещилось: стоит взглянуть на остров, и в тот же миг он увидит шатающуюся фигуру отца. Он представил, как отец спит нервным сном в духоте палатки, с хрустом грубой рыбацкой одежды поворачивается на другой бок, и, разбуженный своим же движением, открывает глаза. Ему хочется курить. Он выбирается из палатки, разминает спину. Приклеивает к сухим губам сигарету, закуривает и сплёвывает. Хмуро смотрит на искру, будто ему больше некуда смотреть, и будто бы вспоминает, где он и зачем. Сигарета ему горька и сушит. Вдруг отец замирает. Бросает окуроч, откидывает полог палатки, и видит, что внутри никого нет. Он зовёт на все стороны: «Иван! Иван?!» Выуживает из-под тента чехол с ружьем. В рассветном сумраке ствол блестит как стеклянный. С ловким

треском отец скрепляет колодку, снова ломает ружьё пополам, чтобы зарядить, и с тем же страшным звуком запирает в нём патрон. Он видит цель, он спускается к воде.

Ваня поднял взгляд. Берег был пуст, но секунду он верил, что в траве действительно кто-то есть. Ему послышался шелест решительного шага. Кто-то большой двигался в тростнике, приминая седые мётлы. Или это ветер шумел, катаясь по его верхам? Он напрягся, не моргая следил за движением травы. Нет-нет, всё неправда! Ваня обнял себя, замотал головой. Как он попал в это горе? Где виноват? Не может быть этой ломанной лодки и отчаянного простора вокруг. Всё должно быть, как прежде — просто и счастливо. Ему только нужно очнуться!

В глазах заблестело. Ваня утёр лицо, зачесал разозлённо веки.

Она говорила ему... Как она говорила? «Хватит реветь, Мокрый». Ванька мокрый — это такой цветок. Он обижался сначала, но потом привык. «Ты защищать меня должен, а всё ревёшь!» И Ваня переставал плакать. Защищать маму нужно было от трусливых людей, которые её изводили, но особенно — от отца. Об отце она говорила редко, но всегда презрительно, так что Ваня чувствовал неловкость за этого человека. Известно было, что отец работает в рыбоохране и смотрит за озером, он всегда смотрит на озеро, а что в озере — то его. Знал, что когда-то давно родители учились в одном классе, а после школы отец ходил на войну и вернулся невредимый, но пьяный. Мама пять лет дожидалась, когда он протрезвеет и позовёт её замуж. Через год у них родился Ваня. А потом отец сломал маме жизнь. Ваня не помнил, как это случилось. Он напрягал память и видел такие картины: по телевизору идёт фильм про пиратов, и он после ванны, закутанный в одеяло, сидит между мамой и папой, ему тепло и спокойно; ещё он помнил приезжий зоопарк, где видел живых орангутангов и львов, и папа в тот день много улыбался, и от улыбки у него поднимались уши. Про уши Ваня знает точно. Хотя мама уверяла, что помнить он этого не может, потому что был ещё совсем росток.

Где-то в памяти хранились обгоняющие друг друга крики: мама кричит на отца, а отец кричит в ответ. Ваня слышит их сквозь слой песка на полу чердака. Он прячется под крышей, и через песок крики звучат глуше и походят на дикий рык. Брань прекращается и после недолгого затишья Ване слышится плач. Он бежит с чердака вниз, и находит маму. Она сидит в углу дивана, вся закрывшаяся и дрожащая. Он торопится обнять маму. Но мама отталкивает его. У неё раскалённая рука. Она открывает лицо, чтобы сказать Ване лишь одно слово. Предатель. И он опять кидается её обнимать. Обнимает колени, потом пытается раздвинуть ладони, чтобы поцеловать. Мама, мама, зачем ты умерла?

Ваня открыл глаза. Какие розовые облака! Как махровый пион.

Над лодкой пролетела чайка. Что-то углядев внизу, она задержалась в высоте, а потом стала опускаться на шатких скрипучих крыльях.

Разметав под собою дымок, она обмакнула лапы, будто собираясь пройтись по волне, а потом клюнула воду. Чайка была очень близко к борту, и Ваня увидел, как в её клюве сверкнула рыбка. Птица оттолкнулась от поверхности, трудно захлопала крыльями и ушла вверх. И опять не осталось ничего кроме воды и неба. У рыбы маленькая смерть, подумал Ваня, а у человека смерть очень большая.

Мама работала костюмером во Дворце культуры. Сезонная работа. Осенью, когда детский театр ставил новогодний спектакль, она сутками набивала поролоном головы Крысиного короля и обшивала золотом камзол принца. Ради маминих костюмов Ваня готов был сидеть в пустом зале или на барьере оркестровой ямы и смотреть очередную репетицию. Всё остальное было ему мерзко: линялые декорации, опаздывающий луч прожектора, надменный режиссёр и бездарные детки, способные производить на сцене лишь полый топот. Но больше всего он презирал кулисный смех. Ему казалось, что смеются над мамой. И куклы, и крысы, и Щелкунчик с Мари смеются непременно над ней. А, может, так и было. Его называли, не стыдясь, сынком шизички, а их милый дом — дуркой. «Эй, а вы с мамкой в психушке живете?» Даже дед говорил, что мама документально тронутая.

Ваня же никаких странностей не замечал. Мама не лежала в больницах и не пила таблетки. Бывало, что она подолгу лежала и отказывалась есть, и он носил в постель печенье и чай. Зато потом, отдохнув, мама была подвижна и весела. Она пекла пироги с ревенем и придумывала интересные игры. Например, нужно было нарисовать портрет деда так, словно у тебя куриная лапа, или насобирать в саду мелких камней. Когда-то мама пошла платье, похожее на плотный халат, но с миллионом завязок и карманов. Платье было придумано из случайных тканей, и очень нравилось Ване своей пестротой и сложностью. Найденные камешки полагалось складывать в его разноцветные карманы. Если какой-нибудь карман наполнялся, мама дарила Ване шоколад или упаковку жевательного мармелада. Ваня искал самые красивые камни.

На похороны его не взяли. Дед приказал сидеть дома. Он был высокий и крепкий, руки всегда держал в кулаках, и, если не смотреть на лицо, выглядел совсем не старым. Ваня на лицо не смотрел, а дед его нарочно отворачивал, говорил всегда на бок, не отрываясь от дела, а когда не находил никакого дела, прятал лицо в газете. Да и зачем было смотреть? При виде сухих и горьких от курева челюстей, запотевших больных глаз Ваня испытывал тянущее чувство нелюбви. Дед был странным и редким гостем, жил за городом, на своей синей дачке —

так называла отцовский дом Ванина мама, хотя стены дома были влажно-бурые и, казалось, вовсе никакого цвета не имели.

Перед тем, как уйти на похороны, дед накрошил в сковородку картошки и залил её яйцом. Вряд ли он понимал, как бесполезна его забота. Ваня справлялся без взрослой помощи, и сам давно стал хозяином. Дверь дед запер снаружи.

Ваня выбрался через окно. Он наломал в саду розовых пионов и поспешил на кладбище. Он спросил у сторожа, где хоронят. И сторож ответил, что кладбище старое и на нем давно не хоронят. Тогда Ваня сел у ворот и просидел до вечера, выжидая, как вскрыется обман и на кладбище привезут мамин гроб. Он отрывал от цветов жирные лепестки и ронял их под ноги. По нераскрывшимся бутонам ползали муравьи, и он подставлял им подушечки пальцев, и хотел, чтобы его укусили.

В сумерках он вернулся домой. На крыльце, привалившись к стене, дремал дед. Ваня подошёл к ступеням и пошевелил его за плечо. Дед открыл водянистые глаза и что-то пьяно забормотал.

— Деда, маму похоронили? — спросил Ваня.

Дед повернулся. Жёсткое лицо его показалось Ване наивным и измученным, как у дремучих стариков. Дед узнал его и спросил:

— Тебе сколько лет, Ваньк?

— Десять, — дед положил ладонь на Ванину грудь.

— Десять? Ох, ш-ш-ш, — он зашипел, привычно спрятал лицо. — Щурёнок! Ну-та ступай в дом. Ждут тя!

Ваня дёрнул дверь. Из кухни в коридор лезла полоска света. Слышался грубый разговор. Говорила женщина: «Твой? Нафиг он мне твой нужен? Чего она его с собой не прихватила?» Ваня остановился у входа на кухню. За столом сидел мужчина с выгоревшей, тускло-русой бородой. Он ел со сковороды картошку с жидким яйцом. Мужчина посмотрел на Ваню, и уши его слегка поднялись. Посреди кухни стояла та, что кричала. Она была очень похожа на маму, даже сердце Ванино на миг затаилось в надежде. Раскалившись до пунцовых пятен, женщина нервно дышала и дула в щёки. Ваня поздоровался и прошёл дальше, к лестнице на чердак.

Утром отец поднял Ваню и сказал, что им обоим надо выветриться, и что он знает место, где можно ни о чем не думать. Больше они не говорили. Отец вёл себя странно: поджигал сигарету, но забывал курить, замирал на ходу и с трудом оживал, ступая непрочно и коротко, будто любое движение причиняло ему боль. Поначалу Ваня не думал сбегать, потому что не испытывал страха. Точно в его уши залили ледяную воду, и вода застудила внутренности. Уже в лодке, в стуке мотора и алюминиевом стрёкоте волн он услышал мамин голос, и мама шептала, чтоб он спасался. В тот миг Ваня почувствовал вину перед ней, брошенной и беззащитной, совершенно не мёртвой.

День прошёл в мыслях о побеге. Ваня следил за отцовским молчанием, за лодкой и ружьём. Он наблюдал, как пьянеет отец, и молча дожидался его бессилия. Но сколько бы отец не пил, он оставался твёрд в голосе и жестах. Лишь взгляд его пустел, и всё больше делался каменным и мрачным. Иногда он выходил из этого внутреннего оцепенения, прикуривал от костра, спрашивал у Вани: «Устал, поди?», и сам же отвечал: «Конечно, устал. Сейчас докурю, и спать». Он докуривал и выпивал. И глаза его опять плыли по течению.

Так они просидели до крепкой ночи. Забравшись в палатку, Ваня ждал, когда отец уснёт, чтобы сбежать, но заснул первым. Он увидел тот жуткий сон, в котором отбивался от львиной стаи.

На лопасть весла села стрекоза. Она успокоилась и опустила крылья.

Ваня огляделся. Вот она лодка, вот озеро и розовые в нём облака, а мамы нет. Нет её ни на этом, ни на том берегу. Солнце растянулось чертой, а потом сжалось в точку. Стало быстро светать. Теперь для него всё было ясно: что плыть ему некуда, что он не услышит больше теплого зовущего шёпота. Он не верил в призраков и в то, что отец решится стрелять. Всё, что мучило его и о чём он плакал, исчезло с луной. Остались голод и тошный плеск под левым бортом.

Ваня достал из кармана банку тушёнки. Внутри было много воды. Он вылил воду и сгрёб пальцем жир и мясо, облизал палец и залез в банку снова. Потом Ваня вытер руку о борт, перебрался на нос лодки и дёрнул якорь. Тот послушно отпустил дно. Ваня собрал канат, обмакнул якорь и закинул его в люк. Он стал перелезать назад, но как-то неловко: лодка покачнулась и подошва поехала вбок. Вода поднялась, и Ваня понял, что падает. Перед тем, как свалиться, он успел поймать раму ветрового стекла. Он упал больно, но руки не разжал. Ударился бедром и снова промочил кеды. Ваня подтянулся, забрался в лодку. Осмотрел ссадину под ремнём.

И заглянул в воду.

Она надела то пёстрое платье с карманами, набитыми красивыми камушками. Надела и прыгнула с причала в озеро. Нашли маму в тот же день. Её было видно под водой.

Ваня медленно поднял весло. Он крикнул на оба берега. И оба берега молчали. Тогда Ваня уронил весло в воду, и поплыл за слетевшей стрекозой к острову.

Он плыл вдоль густой заросли, внимательно слушая берег. Тот шелест, который мерещился ему на глубине, затих, но Ваня знал, что звуки лишь ненадолго затаились в траве.

Скоро он увидел в гуще пробор и узкий выход на сушу. Он подчалил, развернул лодку и насколько хватило сил дёрнул весла на себя. Проскочив щётку куги, лодка уткнулась в мягкий берег. Ваня спрыгнул с лодки, снова обошёл её по борту и вынул из уключины одно весло. Он выбрался на сухую землю, с которой

недавно бежал, и ноги сразу привыкли к её приятной твёрдости. Ваня проложил взглядом путь, ведущий к лагерю, но медлил, ещё раз посмотрел на силуэт дальнего берега, крепнущий под светом растущего солнца. Туман развеялся, берег открывался взгляду и становился ближе. Ваня понял, что перед ним виднеется другая, совсем пустая земля. А та, к которой он плыл этой ночью, лежит уже в мире, зримом лишь ему одному. И он навсегда останется на пути к той стороне, и в печальных мечтах будет подплывать и любоваться родным берегом, но пока жив, не причалит и не сойдёт.

Ваня положил весло на плечо и пошёл в сторону палатки. Он добрался до лагеря и присел на бревно у кострища. Отцовские сапоги стояли на прежнем месте, глина на них высохла и побелела. Положив весло, Ваня стал ждать.

Наконец, над травой взметнулась чёрная кисть и быстрый тонкий хвост утянул её за собой. На тропу вышел лев. Несколько секунд он стоял как медный, затем поднял по ветру морду и задышал открытой пастью. Почуввав добычу, лев опустил шею, и вся его грива собралась над головой. Он ступал на полусогнутых лапах, не скрываясь и готовясь к броску. Жёлтые глаза смотрели на палатку и не замечали Ваню.

Когда лев поравнялся с ним и крался уже так близко, что было видно, как ходит на лопатках толстая шкура, Ваня подобрал весло и прижал его лопасть к плечу, точно приклад ружья. Он встал во весь рост.

Заметив человека, зверь дёрнулся. Он пятился, прижимаясь к земле и оценивая противника. Лев увидел, что человек направил на него ружьё и готовится выстрелить. Это был маленький человек, но в глазах его не было ни сомнения, ни страха.